

№ 141—147
ВОЛНЕНИЯ НА УНЖЕНСКОМ
ЧУГУНОПЛАВИЛЬНОМ И ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОМ
ЗАВОДЕ ШЕПЕЛЕВЫХ
В ТАМБОВСКОЙ ГУБ.
(1830—1831 гг.)



№ 141
1830 г., МАЯ 28¹.
ЗАПИСКА ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА
И. С. МИРОНОВА О ВОЛНЕНИИ КРЕСТЬЯН
УНЖЕНСКОГО ЗАВОДА ИЗ-ЗА ЗАДЕРЖКИ
В ВЫДАЧЕ ЗАРАБОТАННЫХ ДЕНЕГ
И О МЕРАХ, ПРИНЯТЫХ ДЛЯ ЕГО ПОДАВЛЕНИЯ

1. Правящий должность елатомского уездного предводителя дворянства, по болезни его, тамошний уездный судья майор Неелов от 4 числа прошлого апреля довел до сведения тамбовского гражданского губернатора, что тамошнего уезда Унженского чугуноплавильного завода крестьяне покойного Баташева наследников, генерал-лейтенанта Шепелева детей, числом 69 человек, принесли ему жалобу 24 марта на нерасчет их унженскою конторою деньгами за произведенные ими работы, чрез что имеют они недостаток в пропитании, и что вследствие таковой жалобы был вызван им управляющий того имения Кулешев, который по объявлении претензии крестьян объяснил,

¹ Датируется по донесению тамбовского губернатора И. С. Миронова министру внутренних дел гр. А. А. Закревскому.

танта поручика Щиткова и корнета Средьбольского, но находившийся близ них гусар выстрелил холостым зарядом и попал оным в лицо главного их начинщика, помянутого крестьянина Яковлева. Почему бунтующие, увидев падение своего начальника, оробели до такой степени, что все были поодиночке схвачены и забраны под стражу в числе 154 человек, о поступках которых произведено будет следствие.

3. Ушибленные бунтующими мастеровые г.г. Шепелевых и воинские чины Митавского гусарского полка находятся в безопасности, равномерно и три человека, раненых дробью бунтующих крестьян, при сделанном им пособии неопасны в жизни.

Вследствие чего, предписав елатомскому уездному предводителю о скорейшем произведении исследования и об открытии зачинщиков сего возмущения, честь имею донести о том вашему сиятельству, почтеннейше присовокупляя к тому:

1. Что о обстоятельствах сего происшествия донесено от меня вместе с сим его императорскому величеству.

2. Что я, согласно донесения ко мне елатомского уездного предводителя, отнесся к командующему Митавским гусарским полком о выступлении с двумя эскадронами по данному маршруту на постоянные квартиры во Владимирскую губернию, а третий эскадрон оставить для дальнейшего приведения в порядок имения г.г. Шепелевых.

3. Предписал елатомскому уездному предводителю, чтобы он, согласно прежде поданного ему от управляющего Унженским заводом Кулешева прошения, предоставил ему некоторых из числа взятых под стражу неповинующихся крестьян отдать в нынешний 96-й набор в рекруты с тем, чтобы отдача сия была произведена на законном основании¹.

Тамбовский гражданский губернатор *Миронов*.

ЦГИАЛ, ф. 1286, ДПисп., оп. 5, 1830 г., д. 423, л. 74—78.

№ 145

1831 г., МАРТА 18.

ИЗ ПРОШЕНИЯ ПОВЕРЕННОГО КРЕСТЬЯН УНЖЕНСКОГО ЗАВОДА А. ГОСТЕВА НИКОЛАЮ I С ЖАЛОБОЙ НА ПРОИЗВОЛ И ПРИТЕСНЕНИЯ УПРАВЛЯЮЩЕГО ЗАВОДОМ В. Т. КУЛЕШЕВА

...Мы, не приемля ничего другого в обширной массе якобы по бунту, распростершемуся от нас заводских людей, принадлежащих по прежде заведенному г-м Иваном Родионовичем Бата-

¹ 4 апреля 1831 г. Департамент полиции исполнительной сообщил тамбовскому губернатору распоряжение Николая I: «Главных зачинщиков возмущения предать военному суду и наблюдать, чтобы при судебном расследовании дела обращено было особенное внимание на открытие истинных видов и побуждений зачинщиков возмущения» (то же дело, л. 80).

шевым заводу, а ныне принадлежащем господину генерал-майору Дмитрию Дмитриевичу Шепелеву, понявшему в супружество себе внуку упомянутого Баташева, а сей господин Шепелев нанял к себе управляющего по его заводу железному, и даже по нам, крестьянам, принадлежащим на часть его и супруги Василья Тимофеева Кулешева, но из какого он сословия происходит, мы того достоверно знать не можем.

Дело сие началось у нас с прошлого 1826 года, сперва словесно объявленному от нас Елатомскому земскому суду, состоящему Тамбовской губернии, который суд, производя исследование о показуемых нами причинах, прежде бывших, бурмистром Андреем Прохоровым, который есть наш общий нарушитель тишины и спокойствия, ныне к вящему сожалению общественного права нашего употребивший во зло все наше достояние с таковым с тем управляющим Кулешевым под видом непреклонного дружелюбия, мучит нас разными непозволенными работами не токмо в воскресные, но и в двенадцатые праздничные дни под самым строгим и вынужденным бесчеловечием. Где посредство его, Кулешева, чрез тамбовского гражданского губернатора выслана была к нам в вотчину — села Ермолово и Сабурово — войсковая экзекуция, повелением того губернатора сперва 13 человек именно гарнизонной команды для усмирения. После сего уездный суд, приступя к рассмотрению дела того, поступившего из земского суда, сам отправлялся на место, дабы обозреть все ходы нас, крестьян, требования, также и сам поступил в точную противность Уложения, учреждения о губерниях, и прочих всемилостивейших именных указов, состоявшихся в недавних годах.

Руководствуясь сими правами, объявляем, что наказали из нас некоторых плетью, других шпицрутенами, а третьих и батогами, то таковых участь по человечеству столь выходит обиженною, поелику человек, говорящий правду, не был признан в действие совершителя.

Митавского полка подполковник с тремя отрядами вооруженных гусар прервали несовместно истинно гласу вопиющему просьбу нашу и действительно расстроили спокойствие наше с обижением нас, как упомянули выше сего, всех наших повинностей, в полноте всегда представляемых как по закону божественному, равно и гражданскому, чад преданных в руку твою из орудий своих огнестрельных, предали в жертву смерти, а других дали в поношение во всем гниении вида человеческого образа.

Села Ермолова крестьянин *Афанасий Ефимов* сын *Гостев*, а за неумением грамоте писать по его личному прошению по доверию от означенного села крестьян: *Алексея Савельева*,

что жалоба крестьян на неудовлетворение их за работы несправедлива, ибо хотя контора и состоит крестьянам за работы должною, но долг конторский на них превышает их претензию. Впрочем, что он, управляющий, тот же час примет средства к спокойствию крестьян и удовлетворению объявленной ими претензии. Но вслед за тем помянутый управляющий Кулешев известили его, исправляющего должность предводителя, 26 марта, что по приезде его на завод встретил он большое количество крестьян, коим приказал, чтобы из них несколько человек явились к нему для объяснения нужд, но они вместо того с азартом требовали того, чем их в скорости удовлетворить невозможно, а потому, он, правящий должность предводителя, для приведения означенных крестьян в должный порядок отправился на Унженский завод, где входил в разбирательство претензий их и, не видя в них никаких важных причин ослушания, по собрании крестьян сделал им внушение о должном повиновении и послушании начальству, почему те крестьяне, пришед в раскаяние, обязались быть в полном повиновении и послушании вотчинного управления; главные же из крестьян, зачинщики ослушания, в числе 8 человек, по подговору коих возникла означенная жалоба, отправлены в уездный суд к суждению.

2. После того елатомский земский исправник от 17 числа прошлого апреля с эстафетою донес тамбовскому гражданскому губернатору, что помянутого Унженского чугуноплавильного завода крестьяне сел — Ермолова и Сабурова и деревень — поселка Еспинок и Мишуковой, после приведения их правящим должность елатомского предводителя в надлежащий порядок и за данною ими подпискою о повиновении вотчинному начальству, в числе 796 душ, опять уклоняются от подлежащих им работ, по неполучению якобы от управляющего заводом с 1826 года никакого расчета за произведенные ими работы и по случаю причинения им бурмистром Андреем Прохоровым побоев и что хотя правящий должность елатомского уездного дворянства предводителя уездный судья, войдя вновь в разбирательство жалоб крестьян и найдя их неосновательными, внушал им о должном повиновении начальству и о исправлении господских работ, но они остались непокорными, производя между собою сходы и неизвестно какие совещания.

3. Гражданский губернатор вследствие сего донесения в то же время сносился с командующим Тамбовским внутренним гарнизонным батальоном о наряде в назначенный завод воинской команды и по получении сведения, что команда, в числе 123 человек нижних чинов, с обер офицерами назначена, гражданский губернатор располагался на другой день сам отправиться на тот завод для узнания сего обстоятельства и для при-

Ивана Борисова, Нестера Тимофеева, Филиппа Кириллова и Григорья Николаева руку приложил отставной 14-го класса чиновник *Ефим Матвеев*.

ЦГИАЛ, ф. 1286, ДПИсп., оп. 5, 1830 г., д. 423, л. 135—136.

№ 146

1831 г., МАРТА 24.

ДОНЕСЕНИЕ ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА И. С. МИРОНОВА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ А. А. ЗАКРЕВСКОМУ О РЕЗУЛЬТАТАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИЧИН ВОЛНЕНИЯ КРЕСТЬЯН УНЖЕНСКОГО ЗАВОДА

Вашему сиятельству от 9 сего марта я доносил¹, что из числа крестьян Унженского завода г.г. Шепелевых, оказавших неповиновение вотчинному и местному начальству и против употребленной для усмирения их военной команды буйство, забрано под стражу 154 человека и что об открытии главных зачинщиков сего возмущения поручено было елатомскому уездному предводителю и земскому исправнику произвести следствие.

Из представленного ныне ко мне следствия сего видно, что главными зачинщиками возмущения признано 13 человек и один умер, которые содержатся под стражею; 46 человек отданы вотчинному управлению с тем, чтобы оные употреблены были под надзором военной команды в работу; 89 человек, способных по летам к воинской службе, отданы вотчинному управлению по просьбе его для представления из них годных в рекруты, что, впрочем, все сии крестьяне, в числе 148 человек, в данных сведениях вновь объяснили, что они, кроме государя императора, никакой власти не признают и повиноваться никому не будут, за сим последние 5 человек, из числа взятых под стражу 154, дали подписку о бытии в повиновении вотчинному начальству.

Крестьяне сии при допросах о причине, побудившей их к неповиновению, в данных сведениях показали:

1. Что они не имеют хлеба и что при требовании одного от управляющего имением Кулешева, якобы он отказал им в нем, и вообще, жалуясь на не расчет вотчинного управления за производимую ими заводскую работу, сознались при том, что по сей претензии их стачка неповиноваться вотчинному начальству продолжается у них еще с мая месяца 1830 года.

¹ Дата указана ошибочно; следует: 8 марта (см. документ № 144).

2. Что в прошедший 95-й набор братья были с них рекруты не по очереди, а потому они опасались, чтобы не было сего и в настоящий, 96-й набор.

3. Требовали, чтобы освобождены были из тюрьмы крестьяне, содержащиеся в оной за оказанное ими прежде послушание, и

4. Некоторые показали, что они совершенно не имеют никакой претензии, но что вовлечены в число буйствующих по подговору прочих и остаются упорными по одной только данной якобы обществу буйных клятве, сверх того присовокупили, что главнейше к буйству и упорству побуждает их: а) Ожидание якобы от государя императора чрез уполномоченных от них доверенностью ходоков на всеподданнейшую просьбу¹ решения, и б) Негодование на елатомских г.г. предводителя и земского исправника, которые приводили их в повинности за неправое якобы их прежде сего суждение и некоторых из них наказание.

Управляющий имением Унженского завода г.г. Шепелевых касательно претензий крестьян на вотчинное управление объяснил:

1. Что возмущившиеся крестьяне недостатка в хлебе в продолжении целого почти года совершенно не имеют, а деятельные и семейные имеют оного иногда с избытком, в случае же недостатка хлеба, а равно и на посев получают оный под работу из господского магазейна, на каковой случай вотчинною контрою заготавливается оного в достаточном количестве; между тем они довольствуются лугами на постройку и починку домов своих и на дрова получают лес из господских дач.

2. Что крестьяне все вообще с самой весны едва вступят в куренную работу, получают от конторы частью деньгами, а частью хлебом, и сие продолжается в течение целого года, пока начнут сдавать в заводе уголь, за который уже решительно выдаются им деньги; сверх того, к поддержанию их благосостояния контора платит за них в свое время все государственные и земские повинности, а равно и рекрутские деньги, одним словом, они всем совершенно обеспечены и за все оное вычитается из их заработок при расчете, когда уже сдадут весь уголь, за который контора полагает им наравне почти с вольными по два рубля за каждую заводскую меру. Сей порядок управления простирается не на одни помянутые селения, но вообще и на другие вотчины сего имения, которые никогда на то не роптали, а остаются всегда довольными. В доказательство же сего показания своего представил расчет унженской конторы с помянутыми крестьянами с 1 апреля прошлого года по 8 сего

¹ См. документ № 145.

ведения крестьян в должное повиновение вотчинному управлению.

4. Как елатомский предводитель по получении от начальника губернии о выше изъясненном случае предписание, сам прибыл на Унженский завод, то и получено от него и моршанского городничего донесение, что они, прибыв на завод и сделав 29 апреля Унженского завода крестьянам приличные внушения и убеждения о должном повиновении и послушании начальству, требовали от них в том подписки; но крестьяне таковою дать не согласились, объясняя притом общим голосом жалобу на неудовлетворение их платою за работы денег; но им объявлено было, что доколе они не дадут подписки, доколе не могут быть выслушаны жалобы их; в противном же случае посажены они будут под караул, и когда сия последняя мера приводима была в исполнение, тогда из них 55 человек дали подписку, а прочие, в числе 132 человек, отправлены в разные отделения под караул, а на другой день и сии последние также обязались подпискою в повиновении вотчинному начальству и о вступлении в работы; после сего тотчас означенные чиновники приступили к отобранию от крестьян показаний о претензиях их на вотчинное управление.

5. Гражданский губернатор по получении сего донесения предводителя и городничего дал им знать, чтобы они, не ограничиваясь данною крестьянами подпискою, изыскали начинщиков ослушания и по обнаружении таковых следствием предали бы их на основании высочайше утвержденного мнения Комитета г.г. министров, в 20 день июля 1826 года состоявшегося, военному суду на месте, составив оный из членов уездного суда и обер-офицеров отправленной военной команды; что же касается до жалоб крестьян на вотчинное управление, то оные исследовать и удовлетворить тотчас все основательные претензии их, а дело предоставить рассмотрению уездного суда.

6. Елатомский уездный дворянства предводитель и моршанский городничий донесли:

По следствию о жалобах крестьян на вотчинное управление. Жалобы сии состоят в том, что заводское управление:

а) не выдает им сполна с 1826 года следующих за поставленный уголь денег и расчета в том не делает;

б) увеличило меру, в которую принимается у них выжженный уголь, а плату за оную с 1824 года уменьшило от 3 до 2 рублей;

в) не отпускает им хлеба, который же управляющий, т. е. унженской или главной выксинской конторы, то делает, они не знают.

Сверх того, крестьяне объявили жалобу на бурмистра Андрия Прохорова в жестоком якобы с ними обращении и в за-

брани у некоторых из них лесных материалов, сена и денег и в неудовлетворении их.

Крестьяне по отобрании от них сих показаний и по снабжении унженской конторой нуждающихся крестьян хлебом и деньгами вступили 7 мая в работы без всякого прекословия.

По соображению жалоб крестьян с доставленным от управляющего унженскою конторою сведением обнаружилось:

а) Что оказавшие неповиновение крестьяне состоят не на заводском, а на помещичьем праве, ибо они пользуются пахотными землями, сенными покосами и угодьями в том самом количестве, которым истари владели.

б) Что все крестьяне, принадлежащие к Унженскому заводу, производят работы брат на брата, и каждый работник обязан в течение года вырубить в заводских дачах лес, выжечь уголь и поставить оного на завод 45 заводских мер, но некоторые из работников полного количества по лености своей не выставляют.

Кроме выработки угля и поставки оного на завод, крестьяне более никаких заводских повинностей не исправляют, но вотчинное управление, входя в нужды их и желая поощрять их к деятельнейшим трудам и к исправности работ, платит за них все государственные подати и земские повинности, назначает ежегодно плату за приготовление и вывоз угля, которая обыкновенно выдается им вперед под названием на «топор», и сверх того снабжает нуждающихся хлебом на продовольствие и на посев; по сему распорядку составился на крестьянах, получивших вперед на работы деньги и не исполнивших своей повинности, значительный долг, которого, однакож, контора не только не требует и не вычитает с них вдруг, но выдает им вновь деньги впредь по соображении их нужд.

в) Что до 1826 г. крестьяне деньгами за работы удовлетворяемы были унженскою конторою и оною удовлетворены вполне, так что за 1825 год на сию контору никакой претензии нет, а с 1826 года главная выксинская контора, состоящая в Владимирской губернии, предоставила себе производство помянутой платы, а потому не высылала денег в унженскую контору, а выдавала крестьянам оные сама; от унженской же конторы зависит только выдача крестьянам расчетных записок, которыми они и снабжены за каждый год с 1826 по 1829 год; за сей же последний год крестьяне как приготовленных в половине апреля конторою расчетов обыкновенно в сие время ежегодно оканчиваемых, так равно денег и хлеба, выдаваемых обыкновенно пред наступлением работ, не получали по случаю произведенного ими с 24 марта неповиновения вотчинному начальству. За всем тем крестьяне знают, кому из них и какую сумму остается должною контора; если же они не получили от

марта, из которого видно, что в счет заработки уплочено им, как-то: наличными деньгами, хлебом, оброчными, подушными и прочими повинностями столько, что на крестьянах остается значительное количество переплоченной суммы, контора же никому из них не состоит должною.

3. Отдача рекрут производится всегда по очереди и по приговору на мирских сходках, но в прошлый, 95-й набор не только очередные, но и все вообще возмущившиеся крестьяне, избегая сей повинности, особенно годные в рекруты, разбежались, о чем в декабре месяце прошлого года подано в Елатомский земский суд прошение. Из сих-то возмутителей, скрывавшихся в разных местах и с трудом отысканных, исправлена рекрутская повинность.

Донося о сем вашему сиятельству, я честь имею почтеннейше присовокупить к сему.

1. Что вследствие сего на основании высочайше утвержденного в 20 день июля 1826 года положения Комитета г.г. министров предписал я елатомскому уездному суду отправиться целым присутствием, кроме сельских заседателей, на Унженский завод г.г. Шепелевых и там составить комиссию военного суда из членов сего суда и трех офицеров, находящегося на оном 3-го эскадрона Митавского гусарского полка.

2. В оную комиссию препровождено от меня и означенное следствие с тем, чтобы она, рассмотрев со всею точностью, сколько возможно поспешнее, сие дело и по надлежащем обсуждении преступлений главных виновников сего возмущения заключила свой приговор, который вместе с делом и представила бы ко мне на рассмотрение, и

3. Предписал Елатомскому земскому суду обязать подпискою вотчинное управление Унженского завода г.г. Шепелевых и настоять непременно, чтобы бедные и недостаточные семейства по точному удостоверению в нуждах относительно недостатка у них хлеба неупустительно и немедленно обеспечены были в продовольствии, за чем поручено от меня земскому исправнику иметь тщательнейшее наблюдение.

За сим, поелику ваше сиятельство из вышеизложенного усмотреть изволите, что возмущившиеся крестьяне Унженского завода, г.г. Шепелевых, остаются упорными в неповиновении, в ожидании на посланную от них чрез уполномоченных ходяков к государю императору просьбу решения и дерзко требуют освобождения из тюрьмы содержащихся в оной их единомышленников за оказанное ими прежде послушание, то долгом поставляю объяснить вашему сиятельству.

1. Что означенная всеподданнейшая просьба препровождена была ко мне на рассмотрение и заключение при предписании г. управлявшего Министерством внутренних дел от 28 ноября

прошлого года, на которое и донесено от меня его высокопревосходительству с заключением моим и с возвращением означенной просьбы от 19 февраля сего года № 1715.

2. Что помянутые ходоки, посланные к государю императору с просьбою, до сего времени не возвратились в свои жительства, и где находятся неизвестно; хотя санктпетербургский гражданский губернатор от 27 октября прошлого года уведомил меня, что они пойманы и чрез тамошнее губернское правление отправлены в место жительства, и

3. Дело о крестьянах Унженского завода г.г. Шепелевых, сужденных за ослушание уголовным судом и содержащихся под стражею, коих виновные настоящего возмущения требуют освобождения, находится в рассмотрении Правительствующего сената, куда отправлено оное от меня 30 октября 1830 года; два же человека Константин Иванов и Терентий Ефимов, наказанные в прошлом году по приговору комиссии военного суда шпицрутеном и следующие — первый в солдаты, а последний — к ссылке в Сибирь на поселение, находятся под стражею в шацком тюремном заключении в ожидании разрешения об них Министерства внутренних дел по его предписанию¹.

Тамбовский гражданский губернатор *Миронов*.

ЦГИАЛ, ф. 1286, ДПИсп., оп. 5, 1830 г.,
д. 423, л. 83—86.

№ 147

1833 г., МАЯ 30.

**ИЗ ЗАПИСКИ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Д. И. БЛУДОВА В КОМИТЕТ МИНИСТРОВ
ПО ДЕЛУ О ВОЛНЕНИИ КРЕСТЬЯН УНЖЕНСКОГО ЗАВОДА
И О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ УЧАСТНИКОВ ВОЛНЕНИЯ**

...Рассмотрев обстоятельства дела сего во всей подробности и находя, что крестьяне Унженского чугуноплавильного завода, принадлежащего детям генерал-лейтенанта Шепелева, оказали явное возмущение и неповиновение не только вотчинному управлению и местному начальству, но и употребили силу против военной команды, хотя же по делу видно, что оказанное помянутыми крестьянами неповиновение есть следствие, с одной

¹ 17 апреля 1831 г. министр внутренних дел гр. А. А. Закревский предписал приговор комиссии военного суда «привести в окончательное исполнение безотлагательно» (то же дело, л. 87 об.).

выксинской конторы всех денег, то сие последовало, конечно, от того, что она не имела способов к удовлетворению по обстоятельствам заводского производства.

г) Что нынешний управляющий вступил в управление Унженским заводом в 1817 году, а заводская угольная мера установлена главною выксинскою конторою с 1816 года, что с сего времени по 1825 год плата за оную меру назначается была, по сравнению с существующими ценами на хлеб и по соображению отдаленности мест заготовления угля, разная; в 1825 и 1826 годах положено было за меру, по дальности заготовки угля и по ценам на хлеб, 3 руб., в 1827 г. — 2 руб. 50 коп., а в 1828 и 1829 годах 2 рубля.

д) Что из числа принадлежащих к Унженскому заводу крестьян оказали послушание живущие в двух селах и трех деревнях; села же Которова и деревни Ермы крестьяне, при всем том что они имеют долг за главною конторою, не принимали участия с первыми в послушании и не отказывались от работ, хотя и подговариваемы были оными также к послушанию, а притом присоединились к послушникам и такие из крестьян, которые, не имея на конторе долга, а сами оной состоят должными. Из чего открывается, что жалобы крестьян на заводское управление главнейше простираются не на невыдачу им расчетов, но на понижение цен против того, что они прежде получали; послушание же крестьян произошло, повидимому, наиболее от наущения неблагонамеренных людей, соединенного с их невежеством, к остановлению действия завода и произведено с умысленною целью, чтобы чрез остановку работы принудить вотчинное управление к возвышению им платы за уголь, с 1827 года пониженной, и к выдаче по сему расчету заработанных денег.

е) Бурмистр Андрей Прохоров ни в жестоком обращении с крестьянами, ни в забрании у них лесных материалов, сена и денег не уличается и не доказывается.

Следствие сие по жалобам крестьян отправлено в Елатомский уездный суд.

По следствию о зачинщиках послушания обнаружено:

1. Что совещание крестьян сел — Ермолова, Сабурова и деревень — поселок Еспинок и Мишуковой, состояло главнейше в том, чтобы не повиноваться вотчинному управлению дотоле, пока не сменяются управляющие в их вотчине, и чтобы собрать с крестьян деньги на подачу просьб и ходатайство по оным, происходило в доме села Ермолова крестьянина Терентия Ефимова и как сей, так и бывший писарь с шестью чело-веками признаются главными зачинщиками внушения крестьянам неповиновения и доказываются в том взаимными по большей части друг о друге показаниями, и, в особенности, соб-

ственным о себе самом признанием в том, что крестьяне совещания мирские делали по согласию их, как лучших людей, имеющих первые голоса и доверие прочих, которые исполняют все, что сии люди придумают.

2. Что действительно люди сии собрали с прочих крестьян, настроенных ими к послушанию, с каждой души по 25 коп. на подачу, как они им внушали, просьб, которые употребили деньги сии большею частью в свою пользу. Следствие сие о зачинщиках послушания, не одобренное и вотчинным управлением, препровождено было для рассмотрения в военный суд, который, решив сие дело, определил: главных зачинщиков послушания вотчинному начальству крестьян г.г. Шепелевых, всего восемь человек, вовлекших к тому и других крестьян, а сверх того, из числа оных Константина Иванова за писание бумаг и укрывательство себя от правительства и Терентия Ефимова за сокрытие тех бумаг в своем доме и разнообразные показания, в чем они доказываются и найдены виновными произведенным исследованием и собственным признанием, наказать шпицрутеном и потом, как вредных в общежитии, буде окажутся способными, отослать в исправительные рабочие роты, а в случае неспособности — в Сибирь на поселение.

3. Гражданский губернатор по рассмотрении представленного к нему военным судом дела и по соображении обстоятельств одного с заключением суда признал достаточным к удержанию прочих крестьян г.г. Шепелевых в должном повиновении к вотчинному начальству наказать из подсудимых крестьян Константина Иванова и Терентия Ефимова, согласно заключения военного суда, в страх и пример другим, шпицрутеном, прогнав их чрез пятьсот человек по три раза, и по наказании из них первого по молодым летам отдать в военную службу, буде же окажется к оной неспособным, то сослать в Сибирь на поселение; Ефимова же, который по превосходству лет неспособен к военной службе, сослать в Сибирь на поселение без зачета обоим помещику за рекрут, а прочих шесть человек крестьян выдержат в тюремном заключении в городе Шацке, каждого по одному месяцу с тем, чтобы по окончании сего содержания взята была с них подписка о нечинении впредь против вотчинного управления ни малейшего послушания и дерзостей под опасением строжайшего по законам наказания, а вотчинному начальству объявлено было, дабы имело за теми крестьянами особенное наблюдение, и в случае если и за сим будут замечены в каких-либо подобных нынешнему поступках, в таком случае представило бы их к суду по законам.

А как из вышеизложенного видно, что крестьяне Унженского завода г.г. Шепелевых не удовлетворены от главной выксинской

стороны, невнимания к просьбам их о удовлетворении следующими с 1826 года деньгами и о снабжении по необходимой надобности на пропитание с семействами и на засев хлебом, о чем производящееся в уездном суде дело доселе еще не получило окончания, а с другой стороны, отдача крестьян в рекруты без очереди и уменьшение задельной платы; — но все сии причины не могут быть признаны уважительными к освобождению крестьян от наказания по законам, тем паче, что означенные крестьяне не только не пришли в раскаяние о своем заблуждении, но при учинении комиссиею военного суда вновь им допросов и убеждений к повиновению, от того отреклись, кроме двух крестьян, я, согласно с заключением тамбовского гражданского губернатора, полагаю:

1. Главных зачинщиков слушания и буйства, исключая двух уже умерших, 10 человек наказать: 4 кнутом, 30 ударами каждого, и по наказании сослать в Сибирь в каторжную работу; 6 — шпицрутеном чрез 500 человек 4 раза и по наказании отдать, если годны, в солдаты в Кавказский корпус, а в случае негодности сослать в Сибирь на поселение.

2. Всепомощствователей главным зачинщикам — 11 человек, наказать шпицрутеном сквозь 500 человек 2 раза и потом, — кроме трех из них, исключенных гражданским губернатором по старости лет, и именно: Григорья Петрова, Кондратья Васильева и Семена Иванова, — отдать в солдаты в Кавказский корпус, в какой род службы окажутся годными; в случае же совершенной неспособности как сих 8 человек, так и 3 последних сослать в Сибирь на поселение.

3. 76 человек, вовлеченных в буйство упомянутыми 21 человеками, наказать плетьюми каждого 30 ударами, и тех из них, которые приняты будут помещиком или заводским управляющим, оставить в жительстве с строжайшим подтверждением, чтобы впредь на подобные поступки не отваживались, в противном случае поступлено будет с ними по всей строгости законов.

4. Федора Алексеева и Николая Семенова по молодости их лет наказать розгами каждого 20 ударами и по наказании оставить в жительстве.

5. Раскаявшихся крестьян Анисима Семенова и Семена Иванова оставить без наказания, но подтвердить им, дабы они на будущее время от подобных поступков воздержались под опасением строжайшего по законам наказания.

6. О 8 человеках, уже умерших, ни в какое суждение не входить.

7. Сей приговор при собрании прочих крестьян Унженского завсда привести в исполнение на месте преступления, начиная с главнейших возмутителей; но буде кто из числа сих 76 чело-

конторы, состоящей во Владимирской губернии, по конторским Унженского завода расчетам за произведенные ими работы деньгами, то тамбовский гражданский губернатор сообщил владимирскому гражданскому ж губернатору, прося его понудить выксинскую контору к немедленному удовлетворению помянутых крестьян в их претензии.

Тамбовский гражданский губернатор *Миронов*.

ЦГИАЛ, ф. 1286, ДПИсп., оп. 5, 1830 г., л. 423, л. 2—10.

№ 142

1830 г., СЕНТЯБРЬ.

ИЗ ПРОШЕНИЯ ПОВЕРЕННЫХ КРЕСТЬЯН УНЖЕНСКОГО ЗАВОДА С. САВЕЛЬЕВА И А. ГАВРИЛОВА НИКОЛАЮ I С ЖАЛОБОЙ НА НЕВЫДАЧУ ИМ ПЛАТЫ ЗА РАБОТУ

...Сего 1830 года марта с 25 числа возымелось у нас дело с управляющим, дворовым г-на нашего человеком, Васильем Тимофеевым Кулешевым, на железном заводе нашем состоящем при селе Ермолове на реке Унже, в том, что он, Кулешев, совсем нам не платит положенные за уголья деньги, которые положены были выдавать нам еще покойным дедом г-на нашего, Иваном Родионовичем Баташевым, получить за меру по 3 рубли. А как ныне он, управляющий, меру угольям прибавил вдвое, которую сперва мы приваживали на одной лошади, а ныне возили на двух, и того положения не получаем уже четьре года. Почему стали мы требовать от управляющего Кулешева за провоз угольев в 4-летнее время деньги, не малое количество, что по расчету причитаться будет, почему мы, видя крайнее от него притеснение, входили с просьбою сего ж года апреля 13 дня в Елатомской земской суд и пришли, чтобы оный принудил управляющего нашего дать нам расчет, но земской суд оного не учинил. А только что 8 человек отдал под стражу безо всякой вины за свою собственность и довел нас с семействами в крайнее разорение, почему входили мы с прошением к тамошнему г-ну губернатору, который откомандировал чиновника исследовать оное дело на законном основании. Но он, г-н чиновник, при следствии ничего законного расчета не учинил. В рассуждение положенного г-ном нашим за поставку угольев и за нашу собственность стали нас бить и прогонять под повиновение управляющего, яко бунтовщиков; обще с бурмистром Андреем Прохоровым, которые совершенно нас разорили и даже многих крестьян с семействами лишили дневного

пропитания и довели чрез происки свои военную экзекуцию, которая двоих крестьян наших из села Ермолова Константина Иванова и Терентия Ефимова гоняли беспощадно сквозь строй без всякого суда, а как законами вашего императорского величества повелено лучше 10 виновных простить, чем одного невинного наказать; а до днесь 16 человек содержится в тюремном заключении, а жены их с малолетними детьми находятся без дневного пропитания.

Крестьяне-поверенные: деревни Поселка *Семен Савельев*
и села *Сабурова Анишкой Гаврилов.*

ЦГИАЛ, ф. 1286, ДПИсп., оп. 5, 1830 г.,
д. 423, л. 40.

№ 143

1831 г., ФЕВРАЛЯ 16.

**ЗАПИСКА ЕЛАТОМСКОГО УЕЗДНОГО ПРЕДВОДИТЕЛЯ
ДВОРЯНСТВА Н. В. АЙГУСТОВА,
ЗЕМСКОГО ИСПРАВНИКА М. М. БАРСУКОВА
И ЗАСЕДАТЕЛЯ ЗЕМСКОГО СУДА И. Ф. БАРАШЕВА
О НОВОМ ВОЛНЕНИИ КРЕСТЬЯН
УНЖЕНСКОГО ЗАВОДА В СВЯЗИ С НЕУДОВЛЕТВОРЕНИЕМ
ИХ ПРОСЬБ О ВЫДАЧЕ ДЕНЕГ ЗА РАБОТУ
И СДАЧЕЙ В РЕКРУТЫ ПО ПРОИЗВОЛУ ЗАВОДОВЛАДЕЛЬЦА**

1831 года февраля 16 дня елатомский уездный предводитель дворянства, земский исправник и земского суда дворянский заседатель Барашев по поданному из нас на имя председателя его превосходительства господина генерал-лейтенанта и кавалера Дмитрия Дмитриевича Шепелева детей, от управляющего по доверенности елатомскими вотчинами и Унженским чугуноплавильным заводом Василия Кулешева, о возникающих вновь по имению доверителей его со стороны некоторой части крестьян беспорядках и неповиновении к управлению и в прочем, прибыв в состоящий в близком расстоянии от города Елатымы Унженский господ Шепелевых чугуноплавильный и железоделательный завод, собрав из околных селений понятых сторонних людей, всего 101 человек, приведя их к присяге, нашли:

Что описанные в прошении управляющего Кулешева подле сего завода состоящего села Ермолова и выселка из оногo, называемого деревнею Урдус, неповиновующиеся крестьяне в дома запершись с 15 на 16 число в ночь, тайно перешли в недалеком же расстоянии состоящее целым селением неповиновующееся село Сабурово, где также заперлись в крестьянский дом, не выходят из оногo и к себе, исключая единомышленников,

век придет в раскаяние, таковых освободить от наказания, но с подтверждением, дабы впредь воздержались от подобных поступков, в противном случае поступлено будет по всей строгости законов¹...

ЦГИАЛ, ф. 1286, ДПИсп., оп. 5, 1830 г.,
д. 423, л. 339—343. Отпуск.

Министр внутренних дел *Блудов*.

никого не пускают, отправились в то село Сабурово, взяв с собою сверх понятых сторонних людей еще несколько человек из мастеровых. По прибытии в оное действительно нашли один крестьянский двор запертым со значительным количеством неповиновущихся крестьян, которые, не впусая в ворота, чрез забор начально слушали увещание о бытии в повиновении у помещика и установленного от них начальства так, как прочие их собратья, тех же селений крестьяне, находятся; что за подобное неповиновение и слушание по законам они подвергают себя наказанию так, как подвергались таковому ж в прошлом 1830 году их селений некоторые крестьяне и состоящие теперь под судом содержащимися в елатомском и шацком тюремных замках. Но они, не приемля сих и прочих убедительных к обращению в повиновение стараний, ответствовали со двора, стоя некоторые на сделанных изнутри двора к уличному забору подмостах и не скидая с головы шапок, разными голосами, что они не только вотчинному начальству, но и помещикам повиноваться не хотят и не будут впредь равно сему никакому городскому начальству, кроме самого императора, ибо хотя помещика и установленные присутственные места и лица просили, но удовлетворения в просьбах своих не получили, заперлись и решились не повиноваться и не исправлять господских работ, потому что контора не платит им денег. По прошедшему ж 95-му набору отданы из них в рекруты не по очереди, а по воле помещиков и вотчинного управления, чего и в нынешний 96-й набор опасаются. На вопросы, что заключает их мысль к неповиновению и слушанию, не имеют ли они каких-либо с находящимися в бегах крестьянами переписок, ложными обнадеживаниями их возмущающих, ничего, кроме крика многими голосами, не ответствовали, а продолжали вышеописанное, к разбирательству на требование предводителя и исправника с представлением всех уверений и обнадеживаний, что их никто не тронет, и они в присутствии лиц, законами установленных, могут быть безопасны и объяснить свои претензии. Но все сие оставалось тщетным и вместо обращения к повиновению называли присутственные места и всех вообще лиц неправосудными, что управитель выксунской и унженской конторы даже и сам барин Дмитрий Дмитриевич Шепелев, к которому ходили они два раза, от них отказались, и теперь они ждут присылки от императора разрешения, кому прикажет повиноваться.

Когда же из нас предводитель и исправник к лучшему и успешному внушению подошли к воротам и настоятельно убеждали, чтобы они вышли к ним или впустили к себе, потому что начало уже смеркаться, то вдруг весь имеющийся на дворе неповиновущийся народ закричал громогласно: «Караул! Караул! Не пускайте, это разбой!» — С сим криком, как будто бы по

сигналу, полагательно приготовленному, ударили в набат на колокольне, где в ту ж минуту показалось освещение по всем крестьянским дворам, а в особенности там, где запершиися крестьяне находились, появился народ на крышах с дубинами, рогатинами, махая оными, кричали мужчины и женщины: «Разбой! Грабят!» Из изб в окна произносились таковые же крики; по улицам бежал народ обоего пола. Женщины, нарочно падая в снег, валяясь в оном, кричали, как иступленные: «Грабят! Разбой! Убили до смерти!», — тогда как не только их кто-либо бил, но даже, кроме увещания о бытии в повиновении у вотчинного начальства, других и слов не произносил. В какое волнение ужасные по селению крики и беспрестанный бой на колокольне необузданных понятых привели в ужас, так что они, не повинуюсь начальству, бежали из селения; десятские, земского суда исправник и заседатель удерживать их не были в состоянии. Видя совершенный бунт и неповиновение никакому начальству, оказанное с угрозами и изречениями неприличных слов, дабы далее чего-либо не произошло б от буйственных крестьян, имеющих в руках дубинки и некоторые из них рогатины, не было иных средств, как оставить их. При возвращении ж из села Сабурова на Унженской завод, из единомышленников их села Ермолова крестьянских дворов бежали в село Сабурово, частью крестьяне, а более женщины и даже ребятишки; колокольный набат продолжался с час. По сведениям, унженскую конторю на требование наше доставленным, оказалось: в селе Ермолове, с деревнею-поселком, называемом Урдус, по последней ревизии состоит 551 мужеска пола, которые заключают в себе 152 двора, в селе Сабурове — 170 душ, дворов 54, из коих неповинующихся села Ермолова 42 двора, крестьян 95 человек, деревни-поселка Урдус — 9 дворов, крестьян 30 человек; села Сабурова — 36 дворов, крестьян 97 человек, а всего 87 дворов, крестьян 222 человека; прочие ж как сих, так и других сел и деревень крестьяне, господам Шепелевым принадлежащие, в значительном количестве, имеющие одинаковые права, состоят в должном повиновении и послушании. По силе вышеписанных обстоятельств, не имея более никаких средств к приведению отложившихся решительно от повиновения не только вотчинному, но и установленному градскому и губернскому, исключая государя императора, начальству, полагал с приложением с прошения управляющего Кулешева регистра бунтовщикам и сего положения за общим подписанием предводителя и исправника, представить с эстафетою копии на благоусмотрение его превосходительства господина начальника Тамбовской губернии и кавалера, с испрашиванием, дабы подобное зло не распространилось далее, принятия решительных к прекращению мер посредством воинской

команды имеющею проходить из Тамбова чрез имение г.г. Шепелевых Митавского гусарского полка, а с тем вместе и исследования источников возникшего неповиновения и совершенного бунта. А на основании высочайшего о губерниях учреждения Тамбовскому губернскому правлению предоставить донести г. исправнику, для чего с сего положения и прочих бумаг передать ему копии.

ЦГИАЛ, ф. 1286, ДПИсп., оп. 6, 1830 г., д. 423, л. 55—56. Копия.

№ 144

1831 г., МАРТА 8.

**ДОНЕСЕНИЕ ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА И. С. МИРОНОВА
МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ А. А. ЗАКРЕВСКОМУ
О ПОДАВЛЕНИИ ВОЛНЕНИЯ КРЕСТЬЯН
УНЖЕНСКОГО ЗАВОДА**

Вашему сиятельству 22 числа прошлого февраля месяца имел честь донести о неповиновении крестьян Елатомского уезда Унженского чугуноплавильного завода г.г. Шепелевых вотчинному и местному начальству и о сделанных мною по сему распоряжениях¹.

Ныне елатомский уездный дворянства предводитель доносит мне:

1. Что он во обще с командующим Митавским гусарским полком подполковником Евреиновым, прибыв в имение г.г. Шепелевых на Унженский завод, отправились в село Сабурово, где нашли неповинующихся крестьян запершимися в одном крестьянском дворе, которые никаких внушений, им сделанных о повиновении начальству, не слушали и в разные голоса кричали, что они над собою никакой власти не признают и, кроме государя императора, никого не слушают и не повинуются.

Вследствие чего по общему совету с командующим Митавским гусарским полком и г.г. обер-офицерами положено было на первый случай оставить возмутителей в том дворе, в коем они находились запершимися, в соседственных же с оным крестьянских дворах разломать передние и задние ворота и таким образом окружить сих крестьян цепью военной команды, что и было учинено; но крестьяне, вооружившись камнями, дубинами и прочим орудием, во множестве взлезли на крыши строений, с решительностью кричали с крыш и со двора, что они живые в руки не дадутся и будут бить до смерти, кто к ним подступит, называя всех разбойниками и грабителями, и что они защищаться будут до того времени, пока умрут.

¹ Не публикуется, так как повторяет содержание документа № 141.

А как между тем сблизилось вечернее время, то оные крестьяне и оставлены были на ночь окруженными караулом, а в прочих домах поставлены солдаты.

2. В следующий день снова было приступлено к сильнейшим убеждениям возмутителей, чтобы они покорились начальству, представляя им, что военная команда не может уже отступить, пока не приведет их в порядок, и что они, быв окружены, не должны иметь никакой надежды на успех своих мнений и усилий; добровольная же покорность уменьшит для них меру наказания по законам, а те из них, кои покажут пример повинновения и выйдут со двора, будут совершенно прощены.

Но все убеждения и за сделанным увещанием священника остались тщетны, почему, по совещанию его, предводителя, с командующим Митавским гусарским полком и г.г. обер-офицерами, послано было до шестидесяти человек мастеровых под прикрытием достаточного числа гусар разломать сарай, прилегающий к их двору, дабы потом успеть разломать часть плетня. Но едва приступлено было к сему делу, как бунтовщики взлезли на крыши сараев числом до ста человек, вооруженные кольями, рогatinaми и дубинами, начали бить заводских мастеровых и гусар, бросая в них камни, поленья и заостренные короткие палки. Когда же командующий гусарским полком с прочими обер-офицерами с своей стороны уговаривали сих крестьян о повинновении начальству, то они усугубили на них бросание поленьев и камней, стараясь попасть оными в командующего полком, каковое намерение их было бы исполнено, если бы он, г. подполковник Евреинов, не успел схватить рукою летевшее к нему в лицо полено, почему и предположено было зарядить несколько карабинов дробью.

Но, не приступая к действию, посему вновь были сделаны убеждения бунтующим, и когда они, не внемля таковым вразумлениям, продолжали с большею яростию свое буйство, тогда сделано было в толпу бунтующих три выстрела дробью, коею и ранено три человека; бунтовщики же, видя таковые меры, скрылись на двор. Но как скоро приступлено к разломанию задней стороны двора, то бунтующие вновь сопротивлялись киданием камней, поленьев и рычагов, коими нанесли удары мастеровым и гусарам, но за всем тем при защите холостых выстрелов означенный дом разломан с двух сторон, из коих одна занята была воинскими чинами гусарского полка с обнаженными саблями, а другая 12 человеками елатомской инвалидной команды с примкнутыми к ружьям штыками; в каковое время были делаемы еще увещания неповинующимся о прекращении буйства; но они, быв подстрекаемы к тому села Сабурова престарелым крестьянином Борисом Яковлевым, избранным бунтовщиками в начальники, бросились было на полкового адью-